

Критика

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ, или Советская спортивная телесность глазами американской культурной теории

Майк О'Махоуни. Спорт в СССР: физическая культура —
визуальная культура / Пер. с англ. Е. Ляминой, А. Фишман.
М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 296 с.

Современные тренировки суть форма
доступа к вечности.

Пьер Бурдьё

ВЫПУСТИВ книгу о визуализации одной из важнейших культурных практик советского модерна, издательство «Новое литературное обозрение» вновь порадовало любителей (теории) спорта среди русских интеллектуалов¹. Правда, некоторые сомнения может вызывать обеспокоенность появления данной работы в серии «История повседневности»: ведь ни советский спорт, ни его репрезентации в изобразительном искусстве не укладываются в обыденное представление об *Alltäglichkeit*. К тому же общепринято, что спортивные состязания привлекают огромный интерес публики именно непредсказуемостью как самого процесса соревнований, так и их результата, а это менее всего харак-

терно для рутины. С другой стороны, действительно следует признать, что вся эта спортивная событийность происходит в рамках одного и того же информационно- и символического поля. Никлас Луман даже говорил в этой связи о «серийном производстве» событий в спорте, сравнивая их с новостями биржи, где тоже каждый день случается что-то новое². Однако оставим окончательный выбор наиболее подходящей серии самим издателям...

Возвращаясь собственно к книге, следует сказать, что ее автору прекрасно удалось показать трудности культурной тематизации телесных

1. В этом издательстве ранее уже выходила книга, прямо тематизирующая спорт в качестве предмета интеллектуальной рефлексии: Гумбрехт Х. У. Похвала красоте спорта / Пер. с англ. В. Фещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

2. Ср.: «Неожиданности и стандартизация взаимно усиливают друг друга ради порождения информационно-значимого, которое в противном случае не производилось бы или же производилось бы в форме, не допускающей широкого распространения» (Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 49).

практик. Так, в качестве метафоры, объясняющей проблематичность отображения процессов в спорте, Майк О'Махоуни приводит карикатуру «Спринтер и художник» из газеты «Советский спорт» от 6 августа 1957 года: на ней изображен живописец, который, несмотря на все отчаянные попытки передать ход забега, в результате создает лишь портрет победителя. Еще одним наглядным — в буквальном смысле — примером «обреченности» попыток репрезентации спорта для автора является Национальная выставка 1953 года в Англии, организованная в честь 90-летия английской Футбольной ассоциации: она не просто получила негативные отклики в прессе, но и зародила у значительной части публики серьезные сомнения в соответствии спортивной тематики жанрам высокого искусства. Демонстрируя этот провал, О'Махоуни цитирует одного из критиков экспозиции, едко подметившего, что она «разозлила тех, кто разбирается в футболе, и не понравилась тем, кто знает толк в искусстве» (14).

Между тем при расширении перспективы здесь можно обнаружить важнейшую структурную проблему теоретической рефлексии таких культурных практик, как спорт. Она была давно подмечена социальными теоретиками: именно об этом говорил Пьер Бурдьё, когда размышлял о причине «тех особых трудностей, которые встречает социология спорта, то есть пренебрежительного отношения со стороны социологов и презрения со стороны спортсменов»³. Тем более впе-

3. Бурдьё П. Программа для социологии спорта // Бурдьё П. Начала / Пер. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.

чатляет уверенность Майка О'Махоуни в том, что «репрезентации физкультуры и спорта составляют обширное поле для исследования ценностей и смыслов, ассоциировавшихся с занятиями спортом, и культурного производства в целом» (Там же). По сути, его исследовательская программа и заключается в прояснении — с одной стороны, амбивалентных, а с другой стороны, симбиотических — отношений между культурой и спортом в целом и в треугольнике теоретическое–визуальное–телесное в частности, несмотря на все трудности дискурсивной реконструкции телесных практик, о которых предупреждают многие мыслители⁴.

Автор сразу задает предметные рамки своего исследования, отказываясь от притязаний на описание феномена советского спорта в целом. Более того, он даже не берется утверждать, что ему удалось охватить все репрезентации спорта в культуре Страны Советов. Его исследовательская задача ограничивается анализом сложных взаимоотношений «между спортом как официально одобренной социальной практикой и спортом как культурным продуктом» (12). Примеча-

С. 257–258. Ср.: «Таким образом, мы имеем, с одной стороны, людей, очень хорошо знакомых со спортом на практике, но не умеющих говорить о нем, а с другой — людей очень плохо знакомых со спортом практически, которые могут говорить о нем» (Там же).

4. Например, уже упоминавшийся Н. Луман. Ср.: «Опыт отчетливо показывает, насколько тяжело, даже невозможно, было бы рассказать о ходе спортивных событий — от лошадиных бегов до игры в теннис. Нужно лично присутствовать или смотреть по телевизору» (Луман Н. Указ. соч. С. 95).

тельно, что при этом исследователь отвергает довольно распространенную на Западе оптику, в которой советский спорт предстает в качестве некоего «симптома тоталитаризма», поскольку не считает его развитие особо девиантным по сравнению с другими ведущими странами⁵. Он прямо указывает на сомнительность подхода, пытающегося угледеть в спортивном развитии Советской России очередную форму угнетения народа, который якобы не хотел заниматься спортом, но был вынужден это делать под давлением властей. По мнению Майка О'Махони, признание деспотического характера коммунистического режима не означает отрицания какого бы то ни было внимания с его стороны к интересам людей: «В советскую эпоху государство было крайне авторитарным. Тем не менее, чтобы успешно осуществлять свою политику, оно нуждалось в широкой народной поддержке» (Там же). Именно поэтому оно с самого начала «и приветствовало, и эксплуатировало увлечение спортом, особенно среди городской молодежи. Оно поддерживало производственную гимнастику, но при этом не могло вносить изменения в занятия популярными видами спорта, иначе потеряло бы народную поддержку. Таким образом, государство решило не менять

5. Интересно, что в современной российской историографии примерно такие же выводы делаются и применительно к до-революционному развитию российского спорта: «Спорт в начале XX века стал приобретать те формы, которые определяют его сущность и сегодня. И в этом Россия шла в ногу с Европой». См.: Хмельницкая И. Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М.: Новый хронограф, 2011. С. 316.

сложившиеся практики, а развить уже существующие ценности и ассоциировавшиеся с ними смыслы» (13). Именно в данном пересечении идеологии, окружавшей физкультуру и спорт как часть культуры, и их массового потребления автор видит предмет своего исследования. Так что свой «сильный тезис» он выдвигает, скорее, применительно к официальному статусу советского спорта: «Вряд ли в какой-нибудь другой стране его сделали одной из главных тем в более широкой сфере — культуре, да еще поддерживали эту тему настолько единодушно и горячо, как в СССР» (11)⁶. В рамках данного подхода он и анализирует работы Александра Родченко и Эля Лисицкого, Александра Дейнеки и Дмитрия Жилинского, Дзиги Вертова и Юрия Олеши...

Однако нас здесь интересует прежде всего рецепция автором самого советского спорта как культурно-феномена, поскольку, как верно

6. Поставить под сомнение уникальность культурной ситуации советского спорта позволяют работы, исследующие широко распространенный феномен спорта как «гражданской религии», то есть религиозного культа, где «религия мускул» выступает субститутом традиционной религиозности. См.: *Alkemeyer Th. Körper, Kult und Politik. Von der «Muskelreligion» Pierre de Coubertins zur Inszenierung der Macht in den Olympischen Spielen von 1936.* Fr.a.M.; N.Y.: Campus, 1996. Ср.: «Основатель олимпийского движения, неутомимый французский аристократ барон Пьер де Кубертен хотел дать миру новую, современную религию — «олимпийскую идею». Такая биополитическая «религия мышечной силы» должна была дать новые ориентиры человечеству, сбитою с толку ростом скоростей и разочарованному состоянием морали». См.: *Алкемейер Т.* Стройные и упругие: политическая история физической культуры // *Логос.* 2009. № 6 (73). С. 204.

указывает он сам, о советской визуальной культуре написано очень много⁷, тогда как «большинство историков и специалистов по культуре не обращали внимание на физкультурную тему» (249). Более того, уникальное положение спорта в советском дискурсе О'Махоуни объявляет своеобразным барометром, который измеряет ситуацию в культуре и идеологии в различные периоды советской истории. В этом смысле показателен его подход к интерпретации известной картины Дмитрия Жилинского «Гимнасты СССР» 1964 года, которую он объявляет своеобразным водоразделом в официальной репрезентации спорта. По его версии, «Гимнасты» являются «первым антигероическим изображением спортсменов в официальной советской культуре» и одновременно «последним значительным вторжением в этот жанр»: «как и многие советские художники в начале 1960-х годов, Жилинский не собирался ни отрицать советские ценности, ни выходить за рамки официальной культуры. Скорее, в своей работе он попытался представить новый подход в соцреализме и таким образом изменить, даже реформировать официальные культурные практики» (224).

Наиболее эвристически ценной частью исследования является глава 3 — «Участники и зрители», особенно ее раздел «Зрители

7. При этом О'Махоуни прямо признает, что множество западных исследований были выполнены в рамках логики холодной войны: «Авторы этих работ, как правило, относятся к советским культурным практикам очень предвзято, часто они черпали информацию из идеологических текстов, которые освещали одни практики и умалчивали о других» (16).

советского спорта: мифы и реальность». Здесь автор, опираясь в том числе на работы Роберта Эдельмана⁸ и др., показывает существенное расхождение практики спорта и его потребления участниками и зрителями с официальной доктриной⁹. Так, говоря о вставшей перед властями проблеме всенародной любви к футболу и связанном с этим — прямо как сегодня! — массовым «некультурным поведением» на стадионах, исследователь указывает на довольно щекотливую ситуацию: с одной стороны, всем было очевидно противоречие «нездоровой атмосферы» вокруг футбола целям советской власти, но с другой — из-за широчайшей популярности этой игры режим не мог интервенционировать слишком жесткими методами. В итоге «государство дорожило этой игрой и не могло ни запретить ее, ни пустить на самотек. Поэтому в межвоенный период футбол сохранял двойную репутацию — и гордости, и позора советской физкультуры» (88). Чем не подтверждение истинности английской поговорки: «Футбол — это благородная игра, в которую играют хулиганы»?! Заметим здесь лишь то, что напрасно искать приводимые автором приме-

8. Эдельман Р. Серьезная забава: история зрелищного спорта в СССР. М.: Советский спорт; АИРО-XXI, 2008.

9. Документы эпохи говорят нам о том, что власти отдавали себе отчет в том, что ситуация вышла из-под контроля. Так, в постановлении ЦК ВКП (б) «О физкультурном движении» от 29 сентября 1929 года помимо критики «рекордменского уклона» также говорилось о необходимости преодолеть «ведомственный разнобой» и «внести больше организованности и плановости». Цит. по: Комсомол и спорт. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 35.

ры эксцессивного выхода советского спорта за предписанные ему рамки на страницах спортивных справочников и энциклопедий, в том числе выходявших на излете коммунистической эпохи¹⁰.

Что касается анализа особо важных для нас последних десятилетий существования советского спорта в целом, то можно лишь присоединиться к голосам сожаления, уже высказанного другими рецензентами: по мере приближения ко дню сегодняшнему авторский нарратив становится все более дискретным, а создаваемый им образ семиотической ситуации 1970–1980-х годов — фрагментарным¹¹. И вот уже вместо официальной иконографии спорта главными героями повествования становятся представители контркультурной сцены: Комар и Меламид, Борис Орлов, Гриша Брускин и др. То есть самым отбором материала автор показывает: высокое искусство оставило спортивную тематику, ставшую предметом безжалостной художественной иронии со стороны оппозиционной официальной эстетики:

В сталинскую эпоху к физкультурной теме относились очень серьезно, а в 1970–1980-е годы изображения того времени критиковались или смеялись над ними. Теперь, когда прежние ценности полностью отрицались, репрезентации физкультуры и спорта символизировали политический и идеологический конформизм (26).

10. См., напр.: 50 чемпионатов СССР по футболу. Справочник. М.: Советский спорт, 1988.

11. URL: <http://www.urokiistorii.ru/media/book/1317>.

Понятно, что невозможно объять необъятное, но в результате такого выбора за рамками анализа остались многие интересные культурные артефакты позднесоветской эпохи, связанные со спортом: например, разработка детской спортивной эстетики¹², попытка создания нового жанра «непафосной» иконографии спортивного героя¹³, а также появление целого художественного направления «фильм о спорте»...¹⁴

В целом книгу отличает довольно сбалансированный тон, а местами автор и вовсе не скрывает своей симпатии к объектам своего исследования. Признавая, что главной целью большинства анализируемых им работ было, «несомненно, послужить интересам советского государства», Майк О'Махоуни в то же время подчеркивает, что «задачи и способы их решения не всегда были predeterminedены и однозначны. Поэтому многое зависело от прочтения произведения искусства» (248)¹⁵. В последнем абзаце

12. В качестве одного из примеров см.: *Гришин В. Г., Осипов Н. Ф.* Малыши открывают спорт. М.: Педагогика, 1975.

13. Напр., в рамках серий «Спорт и личность» («Молодая гвардия») и «Сердца, отданные спорту» («Физкультура и спорт»).

14. См., напр., подборку на сайте: <http://films.imhonet.ru/rating/rated/style/38/online/country/13991/>.

15. Эту мысль исследователя подтверждает рассказ уже упоминавшегося Д. Жилинского об истории картины «Гимнасты»: «Я очень полюбил раннее итальянское искусство, Тициана. Зашел я в тренировочный зал, свет там с разных сторон, а они в белом, ковер красный. И я дома сделал эскиз, нарисовал каждого, ни одного этюда с натуры я красками не делал. И на основе моей любви к чистому цвету, по рисункам, сделан-

книге мы и вовсе находим подлинный трибьют автора в отношении выдающихся успехов советской цивилизации, чего не так часто услышишь в последнее время:

Оглядываясь на XX век и оценивая основные культурные достижения, невозможно не признать того, что Советский Союз сыграл очень важную роль в мировой культуре. <...> Как бы то ни было, чтобы полностью понять советскую культуру, ее нужно детально изучить во всей ее широте и сложности, а не в ее кажущейся незатейливости (Там же).

По сути, это прямая критика автором того «антисоветского консенсуса», что сложился за последние 20 лет в отечественных науках о культуре, многие представители которых продолжают самоотверженно сражаться с энергиями прошлого, вместо того чтобы учиться работать с культурными артефактами советской эпохи в новой аналитической оптике. Именно так можно прочитывать некоторые библиографические замечания автора, где он критикует работы о тоталитарном искусстве, написанные выходцами из СССР¹⁶. Так, О'Махоуни особо указывает на идеологическую мотивацию этих

ным с каждого, я скомпоновал. Это мое представление: передать суть, а не видимость. Не то, как это кажется глазу. А почему-то советская власть меня не очень...» («Я удивляюсь красоте людей». Интервью с Д. Жилинским // Сократ. № 3. С. 186).

16. Речь идет об известных работах Игоря Голомштока «Тоталитарное искусство в Советском Союзе, Третьем рейхе, фашистской Италии и Китайской Народной Республике» и Бориса Гройса «Тотальное искусство сталинизма».

авторов: по его мнению, «антисоветский настрой, непосредственно отразившийся на их центральных идеях, мешает более критическому и менее спорному анализу», поэтому данные исследования «не могут претендовать на объективность» (18). Для него слишком очевидны их самоидентификация с победившим Западом и то унижение всего советского, что сильно напоминает торжество неофита...¹⁷

На этом фоне в целом доброжелательного отношения автора к изучаемому предмету — советскому спорту как культурной системе — несколько режет глаза пассаж о московской Олимпиаде, где он не удержал аналитическую дистанцию и «свалился в каноническую американскую версию бойкота летних Игр 1980 года. Так, по его мнению, Игры в Москве «одним махом превратились в интермедию», а СССР потерпел «политическое фиаско, произошедшее из-за отказа США участвовать в московской Олимпиаде» (237). И здесь смущает даже не то, что — помимо чисто спортивных результатов (74 олимпийских, 39 европейских и 36 мировых рекордов, что превысило достижения предыдущей, монреальской Олимпиады) — в нашей культурной памяти Олимпиада-80 осталась светлым событием — настоящим праздником красоты и молодости, несмотря на попытки администрации Дж. Картера инструментализировать спорт в политических целях. Просто по какой-то странной

17. В этом контексте О'Махоуни на примере Александра Солженицына также напоминает о существовавшей во время холодной войны на Западе практике использовать советских диссидентов и эмигрантов в подрывной деятельности против СССР (251).

логике, — которая обычно называется «двойные стандарты», — уже через пару абзацев у О'Махоуни мы читаем о советском симметричном ответе совсем другое:

Когда через 4 года Советский Союз отказался от участия в Олимпиаде в Лос-Анджелесе, было уже очевидно, что Олимпийские игры больше не являются полем битвы холодной войны, а дни советской спортивной гегемонии подошли к концу (Там же).

Прямо скажем, это поразительное откровение: летние Игры-84 в спортивном смысле имели сомнительный статус, так как их проигнорировали не просто два десятка стран, но и такие явные лидеры в ряде видов спорта, как ГДР (легкая атлетика, плавание), Куба (бокс), не говоря уже о выдающейся советской сборной¹⁸. Так что здесь уместнее было бы вспомнить о трагедии целого поколения русских и американских спортсменов, лишенных возможности выступать на главных состязаниях планеты или соревноваться со своими сильнейшими конкурентами.

В качестве уже не столько критического замечания, сколько более общего наблюдения относительно «трудностей перевода», регулярно возникающих у русских переводчиков (и видимо, редакторов) запад-

ной литературы о спорте, выскажем следующее: отечественные гуманистари, вынужденно выступающие в качестве трансляторов западного спортивного знания в русский культурный контекст, часто просто не владеют семантикой и прагматикой того специфического языка, что уже давно сложился в наших широтах для описания спортивной реальности. Короче говоря, у них часто нет тех самых компетенций, о которых говорил Бурдье. Видимо, они не читали в детстве журнал «Физкультура и спорт», вряд ли начинают сегодня свое утро с газеты «Спорт-Экспресс» и вообще когда-либо были на футбольном матче в «Луже» (то есть на стадионе «Лужники»). Отсюда — просто неизбежные в таком случае ляпы, вытекающие из незнания словоупотребления спортивных терминов. Только так можно объяснить появление иногда довольно монструозных конструкций вроде «большой соревновательный спорт» при переводе нем. *Hochleistungssport* (вместо «спорт высших достижений») или неожиданное превращение футбольного клуба «Байер» из Лейверкузена (*Bayer 04 Leverkusen*) в «Баварию» (*FC Bayern München*)¹⁹ и т. п. Не стало в этом смысле исключением и рецензируемая здесь работа: несмотря на отличное в целом качество перевода, переводчишки книги все же попали в ловушку специфической семантики спортивных понятий. Так, глава 6 у них получила название «Цель — мировое первенство» (191). Казалось бы, здесь все понятно: перед советскими спортсменами высшим политическим руководством страны была поставлена задача стать первыми в мире. Однако штука (и штука) за-

18. На следующих летних Играх 1988 года в Сеуле именно советская команда победила с большим отрывом (132 медали, из них 55 золотых), на втором месте оказалась сборная ГДР (102 медали, из них 37 золотых), а сборная США заняла лишь третье место с 94 медалями (36 золотых), тогда как в Лос-Анджелесе американцы завоевали целых 174 награды, из них 83 — высшего достоинства.

19. См.: Гумбрехт Х. У. Указ. соч. С. 56.

ключается в том, что значение слова «первенство» в «русском спортивном» отлично от общепотребительного: оно означает не лидерство в каком-то турнире или виде спорта, а само спортивное мероприятие определенного рода, чаще всего чемпионат: именно в этом смысле говорят о «первенстве России», «европейском первенстве» и т. д. Таким образом, смысл названия главы радикально меняется: выходит так, что партия и правительство поручили советским атлетам не добиться доминирования в мировом спорте, а всего лишь... пробиться на турнир мирового масштаба, то есть на чемпионат мира!

Что касается откровенных ляпов, вполне ожидаемых от иностранца, занимающегося русскими материями²⁰, то в случае «Спорта в СССР» нужно очень постараться, чтобы обнаружить что-то особо бросающееся в глаза. Разве что можно заметить, что перечисляемые на с. 10 в качестве ведущих спортивных изданий «Советский спорт» и «Красный спорт» суть одна и та же газета: старейшее спортивное периодическое издание России сменило свое название в 1945 году со второго на первое. Однако вряд ли и это обстоятельство является тайной для столь квалифицированного специалиста, как Майк О'Махоуни. Также можно несколько уточнить его оценку уровня институционализации спорта в Рос-

20. Ведь, по одному меткому наблюдению, «к западному исследователю, пишущему книги о советской и русской культуре, всегда относятся с некоторой смесью восторга и настороженности: вроде бы и приятно, что про нас пишут, но наверняка чего-нибудь да соврнут» (*Биргер Л. Майк О'Махоуни. «Спорт в СССР» // Коммерсантъ Weekend. 12.11.2010. № 44 (190)*).

сии до 1917 года, в которой, по его словам, существовало «несколько спортивных клубов и обществ», возникших незадолго до революции. Современная отечественная историография российского спорта позволяет пересмотреть этот довольно устойчивый взгляд на институциональное развитие физической культуры в дореволюционной России: на май предвоенного 1913 года в Российской империи насчитывалось 506 официально зарегистрированных спортивных обществ, что также не отражало всего размаха развернувшегося в стране спортивного движения²¹.

Однако оставим эти мелкие придирки ворчливого критика и отметим главное: работа О'Махоуни представляет собой подлинный пример «гуманитарной» — в буквальном смысле слова — помощи со стороны западных интеллектуалов, поскольку она позволяет уточнить наши собственные представления об еще одном фрагменте советской реальности и более адекватно оценить не только ее амбивалентность, но и выдающиеся достижения СССР как в спорте, так и в сфере культуры. И если русские интеллектуалы (пока?) не способны выполнить социальную функцию самоописания, будем ждать новых нижек западных коллег про нас самих. И прежде всего тех, что обладают достаточной чувствительностью для работы с «неудобным» русским XX ве-

21. *Хмельницкая И. Б. Указ. соч. С. 33.* При чем исследовательница указывает, что первый, аристократический этап развития спортивных клубов, который О'Махоуни датирует предреволюционными годами, начался гораздо раньше — еще в 1850–1880-е годы, тогда как более демократические организации стали массово появляться начиная с 1890-х годов.

ком. В подтверждение методологической необходимости подобной эмпатии для успешной коммуникации с нашим недавним прошлым процитируем вслед за Майком О'Махоуни американского исследователя Джоада Реймонда, утврждавшего,

что игнорирование советской культуры — «это акт исторического ретуширования, вычеркивание глубокого и важного голоса. В любом другом контексте мы назвали бы это вандализмом» (249).

Олег Кильдюшов

СПАСТИ НЕРЯДОВОГО ЮНГЕРА

Фридрих Георг Юнгер. Игры. Ключ к их значению.

СПб.: Владимир Даль, 2012. — 336 с.

«Двойственность» — вот первое слово, которое приходит на ум при обращении к фамилии Юнгер. Действительно, два наиболее прославленных брата этой семьи — Эрнст и Фридрих — оба мыслители, оба принимали участие в Первой мировой войне, оба показали себя как сторонники правых взглядов и идеологи «Консервативной революции». Такой настойчивый дубль не может не создавать интеллектуальный резонанс. Нотка амбивалентности и в самой «говорящей» фамилии — ее носителям, казалось бы, пристало быть ребячливыми и слегка наивными. На самом деле боевых офицеров едва ли можно счесть легкомысленными и беспечными. Предмет для размышлений и способ рассуждения о нем, которые избирает интересующий нас автор, Фридрих Георг Юнгер, также характеризуются все той же двойственностью: в работе «Игры. Ключ к их значению» речь идет о забавах, развлечениях, азарте и зрелищах. Однако еще в предварительных замечаниях обнаруживаем предостережение: неудачу потерпит тот, кто отнесется к игре не всерьез.

Задача, которую ставит перед собой Юнгер, кажется довольно помпезной, хотя достичь ее автор пытается весьма сухими академичными средствами, прибегая к довольно чопорным спекуляциям. Но в зависимости от интерпретации самой задачи текст, посвященный играм, либо приобретает вполне ощутимую ценность, либо помножается на ноль. Разумеется, второй вариант наименее желателен, оттого важно представлять себе, какими средствами работу Юнгера можно спасти от аннигиляции.

Юнгер в своем исследовании игр намеревается предоставить нам ключ к их значению (*Bedeutung* — в немецком), как это становится ясно из названия. Однако само это слово — «значение» — заставляет нас размышлять семантически двойственно. Этот термин фиксирует и отношение ценности, значимости, насыщенности смыслами, и собственно семантическую связку между знаком и его референтом — значением. Следует ли раздумывать о значении, то есть значимости игр в первом смысле, нужны ли здесь какие-то ключи и ориентиры? Игра — это одно